

УДК 82.3

ХРОНОТОПИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ЗАГОВОРОВ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ЗАГОВОРОВ КАРЕЛИИ)

М.А. КОНОВАЛОВА,

*преподаватель кафедры скандинавской филологии, Петрозаводский
Государственный университет, 185910, Петрозаводск, проспект Ленина, 33,
тел. +7 (953) 5451249, e-mail: konovmasha@yandex.ru*

Аннотация

Коновалова М.А. Хронотопическая лексика заговоров (на примере русских заговоров Карелии).

В статье рассматривается хронотопическая лексика заговоров на примере текстов русских заговоров Карелии. Целью исследования является определить состав лексики, описывающей время и пространство, опираясь на особенности и функционирование данных концептов в жанре заговора. При исследовании используются такие методы как анализ, сопоставление, классификация, метод сплошной выборки. Время и пространство находятся во взаимосвязи как друг с другом, так и с реальной ситуацией, в которой произносится заговор, поэтому важное значение приобретают категории таксиса и дейксиса. Хронотоп заговора проявляется на уровнях грамматики, морфологии, лексики и синтаксиса. На лексическом уровне он представлен всеми частями речи, как самостоятельными, так и служебными. Все лексемы функционируют в тесной связи с субъектом заговора, который занимает центральное место в исследуемом жанре.

Ключевые слова: заговор, хронотоп, лексика, слово, пространство, время, магия, фольклор.

Summary

Konovalova M.A. Chronotopic Vocabulary of Verbal Spells (on the Example of Russian Verbal Spells of Karelia).

The article deals with the chronotopic vocabulary of verbal spells by the example of Russian verbal spells in Karelia. The aim of this study is to determine the composition of language describing time and space, based on the features and operation of these concepts in the genre of verbal spells. In the study used methods such as analysis, comparison, classification, continuous sampling method. Time and space are in a relationship both with the real situation in which pronounced the verbal spell, therefore become important categories of taxis and deixis. Chronotope of the verbal spells is n

grammar, morphology, vocabulary and syntax. In vocabulary it represents by all word classes. All words is in close connection with the subject of the verbal spells, which occupies a central place in the tehse genre.

Keywords: verbal spells, chronotope, vocabulary, word, space, time, magic, folklore.

За последние десятилетия в филологической науке возрос интерес к фольклору со стороны как литературоведов, так и лингвистов. Исследователи чаще обращают свое внимание на крупные формы фольклора: сказки, предания, былины и т.п. В это же время практически неизученными остаются малые фольклорные формы. Одним из таких малоизученных жанров фольклора, особенно с точки зрения лингвистики, остается заговор. Несмотря на то, что в последние годы ему посвящается все больше научных работ, многие его аспекты остаются тайной. Эта проблема усугубляется еще и тем, что заговор, как и прочие фольклорные произведения, в разных областях страны имеет большие различия, обусловленные различиями географии, менталитета людей, а также диалектными особенностями. Целью нашего исследования было рассмотрение лексических способов выражения хронотопа в этом жанре, для чего мы обратились к лечебным заговорам сборника «Русские заговоры Карелии», так же не подвергавшимся подробному изучению.

В отечественной филологии заговорами традиционно называют «особые тексты формульного характера, которым приписывается магическая сила, способная вызвать желаемое состояние» [10, с. 451]. В наши дни исследователи, изучающие заговор, выделяют в нем несколько элементов. Их перечисляет А.В. Юдин: это молитвенное вступление, зачин, описание действия в центре магического мира (эпическая часть), заклинание (пожелание), закрепка (концовка) и молитвенное завершение [13].

Одной из важнейших составляющих заговора, как и других произведений литературы, является хронотоп, единство времени и пространства. В филологии этому явлению было посвящено много работ, в которых изучались хронотопы жанров и отдельных произведений. Концепты пространства и времени являются концептами «универсальными формами восприятия действительности» [7, с. 135]. Кроме этой универсальности нужно подчеркнуть их связность, взаимопроникновение и неразрывность. М.М. Бахтин,

один из первых в филологии заговоривший о хронотопе, писал: «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [2, с. 235].

Хронотоп может рассматриваться не только внутри текста. С.А. Экштут выделяет время пяти хронотопических систем, с которыми связано произведение: «индивидуальное время творца произведения – время институции, членом которой он состоит или которой он отвергнут, – время поколения, к которому принадлежит автор и его первые читатели, – большое время Истории – время внутри самого произведения» [12, с. 138]. Мы считаем необходимым добавить время еще одной системы – время читателя произведения. Заговоры, однако, – совершенно особенный жанр, для которого существуют свои правила. Обратимся к «индивидуальному времени» (и месту) творца, то есть заговаривающего: оно совпадает с временем «читателя», или, в заговоре, заговариваемого. Вместе с этим хронотоп «внутри произведения» совпадает с настоящим (повторим, общим для «автора» и «читателя»), так как заговором сопровождаются действия ритуала или состояния, через которые проходит заговариваемый (в параллелистических заговорах хронотоп повествования может не совпадать с хронотопом «автора»). Общность этих трех хронотопов соединяется с абсолютным игнорированием оставшихся: общества, поколения и «большого времени Истории», которые не имеют значения в конкретной ситуации, вызвавшей необходимость использовать заговор.

Хронотоп как важнейший организующий элемент любого текста проявляется в морфологии, грамматике, лексике и синтаксисе. Хронотопическая лексика в тексте заговора не распределяется равномерно, а сосредотачивается в определенных частях. По мнению Р.А. Агеевой, топонимы «употребляются во вступительной формуле или в дальнейшей эпической части» [1, с. 132]. Во вступительной формуле описываются действия, производимые говорящим, или какое-либо место, имеющее сакральное значение. В основной части заговора рассказывается о решении проблемы, которое также осуществляется в определенном месте. Вступительная формула («Стану благословясь, лягу перекрестясь. Пойду из ворот <в> ворота, из двери в двери, в чистое поле» [9, с. 88];

«пойду не перекрестясь из дверей в двери, из сеней в сени, из ворот в ворота, в чистое поле, из чистого поля — в синее море. В синем море стоит златырь-камень, под златырем-каменем стоит щука медная» [9, с. 69]; «На море, на океане, на острове на Буяне стоит золотой столб. На столбе сидит девица» [9, с. 85]) как бы переносит говорящего в «особое мифологическое пространство» [1, с. 138]. Отметим, что в закрепке тоже встречаются указания на пространство и время, таким образом часто отмечается вечность и обширность территории распространения действия заговора: «Небо и земля замок» [9, с. 84]; «Во веки веков» [9, с. 50]; и ныне, и присно, и во веки веком» [9, с. 52]; «отныне и до веку, век по веку» [9, с. 63]. Иногда это «поясняется» меньшими единицами времени или пространства: «ни днем, ни ночью, ни утром рано, ни вечером поздно, ни в начале месяца, ни в середине месяца, ни в конце месяца» [9, с. 86]; «всюду да везде: и в крутых горах, и во темных лесах, и от ведьмы-еретицы, и от лешего, водяного, болотной бабы, домового, буйного дерева, да нечистого духа» [9, с. 93]; «за темные леса, за дики острова, где птица не залетает, где звери не забегают, добрые люди не загуляют, и ворон кости не заносит» [9, с. 100].

Обратимся к тому, как устроено пространство в заговоре. Главной оппозицией является противопоставление «своего» и «чужого» мира, как и во всех жанрах фольклора. Важными горизонтально расположенными «территориями» являются место перехода от одного мира к другому и «центр мира», наиболее сакральное пространство. В центре большего пространства находится меньшее, в центре самого меньшего – предмет, символизирующий центр мира: «пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами во чисто поле путем-дорогою по край синя моря. В синем море есть Святой Божий остров; на Святом Божьем острове — Святая Божья церковь; в той Святой Божьей церкви есть престол Господень; на том престоле Господнем есть священномученик Христов Антипа» [9, с. 75]; «Выстану благословясь, пойду в сине поле. В синем поле стоит дубовое дерево. Под дубовым деревом — дубовый стол. На дубовом столе стоит золотой петух» [9, с. 93]. Количество таких пространств в различных произведениях может варьироваться, а область, являющаяся «переходной» в одном тек-

сте, может быть сакральной в другом. Часто подобные пространства и «центры мира» получают наименования, связанные с мифологией, например, остров Буян, камень Алатырь и др. Р.А. Агеева отмечает: «Упоминание этих мифических имен должно еще более закрепить силу слова <...>, поскольку в тексте под Латырь камень обычно кладутся золотые ключи (от заговора), которые глотает щука и, таким образом, силу заговора уже никто не может преодолеть, как и не может достать ключей со дна Океана» [1, с. 134–135]. Именно «центр мира» является основным местом заговора, где происходит встреча заговаривающего с мифическим персонажем, обычно в то же место прячется ключ, замок или иная закрепка.

Реже можно встретить вертикальную модель пространства, осью которой является «центр мира». Обычно такая модель наблюдается в христианских заговорах, где оппозицию «свое» – «чужое» составляют земля и небо: «выйду я в чистое поле, в чистом поле стоит листьвица от земли до неба. С этой листьвицы опускается сам свет истинный Христос» [9, с. 108]. И горизонтальная, и вертикальная модели пространства описываются с точки зрения человека, фигура которого в заговоре играет наиважнейшую роль.

Нужно также отметить два направления развития событий в заговоре: «внутри [кровь –плоть –сухожилие – кость –мозг (костный)...] и вовне (дом –сени –двор –поле –лес –горы – моря... с указанием порога, дверей, ворот, дороги и т. п.)» [10, с. 451], которое приводит В.Н. Топоров. Проиллюстрируем это следующими строками: «с буйной головы, с ясных очей, с сахарных уст, с рук и с ног, и с могучих плеч, и с белых грудей, с ретивого сердца, с бурой печени, с легких и с селезня, с сорока жил, с сорока составов, с сорока жил подпятных» [9, С. 100–101]; «пойду перекрестясь из дверей в двери, из сеней в сени, из ворот в ворота. <...>Погляжу в чисто поле, в чистом поле — сине море» [9, с. 51].

Описанное нами пространство заговора может отражаться в тексте на нескольких уровнях: морфемном, лексическом и синтаксическом. Более подробно мы рассмотрим лексический уровень. Лексику, описывающую пространство в заговоре, можно классифицировать различным образом: по принадлежности к какой-либо части речи или же определенной части пространства. Е.А. Коле-

сова предлагает деление на три группы: описывающая «свое» пространство, «пограничное» пространство и «сакральное».

Если мы обратимся к классификации пространственной лексики на основании частей речи, то увидим, что место действия в заговоре может отражаться разнообразными способами. Группа имен существительных составляет большую часть пространственной лексики:

1) имена нарицательные, называющие заговорные топосы и локусы: «Выйду из дверей двермы, из ворот воротмы, выйду в чистое поле. В чистом поле злат камень, на злат камне сидит злат птиця» [9, с. 56]; «пойду перекрестясь из избы в избы, из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду в чисто полё. В чистоём поле — окиян-море» [9, с. 73];

2) имена нарицательные, обозначающие стороны света и направления: «стану в восток лицом, в запад хребтом» [9, с. 76]; «станет во восток лицом, на запад хребтом. Во востоке светит истинной Христос» [9, с. 104];

3) имена нарицательные с абстрактным значением: даль, ширь, высь, глубь;

4) имена собственные представлены названиями реально существующих («у синего моря бежит река Волга» [9, с. 88]; «Пойде Господь от купеля в Новый Иерусалим» [9, с. 91]), а также мифических объектов («на острове на Буяне стоит латырь-камень» [9, с. 105]).

Группа имен прилагательных и наречий включает слова, образованные от имен существительных, перечисленных выше («изза высоких гор» [9, с. 105]; «выше лесов стоячих» [9, с. 51]; «щука морская» [9, с. 72]; «дальнее чистое поле» [9, с. 65]), а также те, которые указывают на место расположения объекта («и змею-перярую, летучих и ползучих» [9, с. 90]).

Группу глаголов, в свою очередь, тоже можно разделить на подгруппы:

1) бытийные глаголы («В чистом поле стоит престол» [9, с. 66]; «В чистом поле лежит камень» [9, с. 72]);

2) глаголы движения, перемещения («в чистом поле идет три девицы» [9, с. 228]; «Выйду в дальнее чистое поле, навстречу едет Святой Пророк Илья» [9, с. 65]). В глаголах, образованных с по-

мощью добавления приставки, отношение к пространству выражено ярче (ср. «пришла стрела <...> выходи, стрела» [9, с. 82]: «в девять дыр поди, а из десятой жар вон выходи» [9, с. 95]).

Из служебных частей речи пространственным значением обладают предлоги (к, у, за, под, над и др.).

Кроме указанных способов выражения пространства, его можно отобразить в тексте с помощью указательных и относительных местоимений, а также не упомянутых ранее относительных наречий или выражений, которые их содержат. Речь идет о таком понятии, как дейксис. Дейксис это функция «определенных языковых выражений, с помощью которой они обозначают геометрическое место события в его отношении к местонахождению говорящего» [4, с. 1221]. Приведем примеры: «И отколь пришло, — туда и ходи, и раба Божьего (имярек) во веки не трони» [9, с. 96]; «Чирей, Васршей, тут тебе не место, место в осине» [9, с. 98]. Указание на какой-либо предмет происходит в обязательной взаимосвязи с заговаривающим, заговариваемым, предметом заговора, а также пространства, относительно которых он и формируется. Как мы видим, непосредственная и неразрывная связь заговора с конкретной ситуацией наглядно иллюстрируется этим явлением.

Время так же, как и пространство, существовало неотделимо от окружающего мира и происходящих событий. Человек стал замечать ход времени, наблюдая над сменяющимися друг друга сменой дня и ночи, фазами лун, сезонами. По причине повторяемости этих явлений время воспринималось циклично, а не линейно. «Время в архаической модели мира тесно связано с заполняющими его событиями, циклично, так как ориентировано на постоянное повторение в настоящем исходной ситуации первотворения» [11, с. 193]. Е.А. Колесова отмечает: «Время для древних людей реально, вещественно, заполнено конкретными событиями и разделено на две качественно различные части: время обыденного существования и время вечности» [5, с. 147].

Такое деление времени на «земное» и «вечное», а также понятие о его цикличности соответствует времени религиозному. В христианском восприятии так же существует земное, мирское время и небесное, вечное. Время человеческой жизни в христианстве понимается циклизированным. Это отражается в восприятии

одинакового жизненного пути людей, что ярко иллюстрируют закрепи в заговорах. Перечисление важнейших событий создает картину всей жизни: «от рожденья до крещенья, от крещенья до венца, от венца до самого конца» [9, с. 57]; «от рождения до байны, от байны до винча, от винча до жизни его конча» [9, с. 66]; «с породья до молитвы, от молитвы до креста, от креста до венца, от венца до будущего конца» [9, с. 71].

Земное время в заговоре обычно «линейно, необратимо, предельно» [8, с. 122]. Линейное время имеет свои отличительные черты, в нем нет цикла, однако присутствуют наиболее важные точки: начало сотворения мира, конец мира и основная точка отсчета, которой обычно является сам человек. Каждая из этих точек «может носить объективный (относиться к реальному времени) или условный (относиться к концептуальному времени) характер. Условная, реляционная точка отсчета может опосредованно выходить на линию объективного времени или может быть сугубо реляционной, когда важно лишь сопоставление явлений на шкале времени» [3, с. 113]. Конкретный случай, вызвавший необходимость прочтения заговора, обычно описывается в рамках линейного времени, так как это событие, произошедшее внезапно, не является частью какого-либо цикла, не происходило раньше и не должно случиться впоследствии.

Рассматривая время заговора и учитывая синкретичность этого жанра, мы приходим к выводу, что в заговоре соединяются два восприятия времени. Время по-разному может восприниматься в разных заговорах или даже в разных частях одного и того же текста. Отметим, что конкретный случай, вызвавший необходимость прочтения заговора, обычно описывается в рамках линейного времени, так как это событие, произошедшее внезапно, не является частью какого-либо цикла, не происходило раньше и не должно случиться впоследствии. В параллелистических заговорах в основной части земная ситуация часто сопоставляется с ситуацией мифологической, время линейное с временем вечным, конкретную проблему заговаривающий решает с привлечением мифологической ситуации: «у этого камня жили два брата — Кайн и Авель: ножами кололись, кровь не шла; так же у нас, у рабы Божьей Агне и Якове, кровь, не иди» [9, с. 87].

В заговорах эпических субъект попадает из «своего» мира и линейного времени в сакральное пространство, где время циклично, вечно: «На этом камне сидит красна девица, держит в руках иглу булатную, вдевает нитку шелковую, зашивает раны кровавые» [9, с. 89]. Когда бы он ни пришел в поле, на камне сидит красна девица, которая окажет необходимую помощь. В зависимости от конкретного заговора это может происходить каждое утро, воскресенье или, например, Рождество, но принцип цикличности остается.

Здесь мы видим неразрывную связь времени с пространством, хромотопичность: время оказывается по-разному организованным в «своем» и «чужом» мире. Несмотря на эту неотделимость двух явлений семантически, в языке они обычно выражаются разными средствами.

Время, как и пространство, отражено на нескольких уровнях языка: морфемном, грамматическом, лексическом и синтаксическом. Мы снова остановим свое внимание не лексическом уровне. Время выражается с помощью предлогов с временным значением (к, до, за, через) и подчинительных союзов со значением времени (пока, в то время как, когда, едва). Более подробно рассмотрим класс имен существительных, который в данном случае может быть разделен на следующие подгруппы:

1) имена нарицательные, обозначающие периоды циклического времени, в том числе и времена года («Ни в день, ни в ночь, никакой бы час, ни в маленьку минутку» [9, с. 56]; «по утру и в вечерех» [9, с. 104]);

2) имена нарицательные, указывающие на определенный период времени, но не называющий его («утренней зарей и вечерней, утрется белым светом; во лбу пекет красное солнце, в затылке светлый месяц, по косицам частыя мелкия звезды рассыпаются» [9, с. 104]);

3) имена собственные, с помощью которых действие соотносится «с конкретным историческим временем <...> что, вероятно, обусловлено стремлением предать повествованию жизненную убедительность» [8, с. 122] («что эти сестры царя Ирода [9, с. 78]). Имена собственные с мифическим значением или имеющие религиозный смысл как бы «переносят» нас к мифологической ситуа-

ции или в определенную эпоху, где время циклично («под тем дубом сидит Праотец Панфутий, с тремя наддесятыми братьями» [9, с. 206]).

Время также отражается с помощью имен прилагательных и наречий, образованных от указанных выше имен существительных («ночной воп и дай ему ночной сон» [9, с. 57]; «вечерняя заря, полуночная заря, утренна заря» [9, с. 58]), и имен существительных с абстрактным значением, а также наречий времени («в быстрых реки по тихим заводям» [9, с. 70]); «река Волга: широка и долга» [9, с. 88]; «Черпнешь, только что уж разом» [9, с. 55]).

Глаголы для указания конкретного времени обладают не только грамматическим, но и лексическим значением:

1) безличные глаголы, обозначающие состояние природы (светает, вечереет, морозит);

2) глаголы движения или действия, которые указывают на скорость выполнения («гадом поползу через змея на воду» [9, с. 77]; «бежит тридевять волков-самоедов» [9, с. 107]; «кровь у них не бежала» [9, с. 87]; «Ты, руда, остань, больше во веки не капь» [9, с. 88]);

3) бытийные глаголы указывают на продолжительность (в некоторых случаях – вечность, неизменность) состояния («На том камню лежит мертвяц» [9, с. 76]; «на острове на Буяне стоит горяч камень» [9, с. 87]).

Местоимения, относящиеся к разным разрядам по значению и по грамматическим признакам, тоже могут выражать время (несколько, когда-то). Кроме того, местоимения указывают на соотношенность текста с конкретной ситуацией, являясь в этом случае элементом категории таксиса. Таксис – это «языковая категория, характеризующая временные отношения между действиями <...>, такие как: одновременность/ неодновременность, прерывание, соотношение главного и сопутствующего действия и т.п.» [4, с. 2011]. Приведем пример функционирования подобных местоимений: «сохраните меня и моих детей, когда пойдем мы за ягодами либо куда-нибудь» [9, с. 92]; «до второго пришествия, тогда пособится, когда мать сыроу землю покроются» [9, с. 71].

Несмотря на различные варианты организации пространства и времени, главной фигурой остается персонаж. Художественный хронотоп существует, потому что служит местом развития собы-

тий. Вместе с тем и время, и пространство оказывают влияние на персонажей: Ю.М.Лотман отмечал, что «поведение персонажей в значительной мере связано с пространством, в котором они находятся и, переходя из одного пространства в другое, человек деформируется по его законам» [6, с. 278]. Итак, мы еще раз видим, что в первобытном сознании события теснейшим образом были связаны с пространством и временем. Для отражения хронотопа в текстах заговоров используются практически все части речи, причем время и пространство изображаются разными способами. Большая часть лексики в обоих случаях представлена именами существительными и глаголами. Несмотря на эти различия, данные категории непрерывно оказывают влияние друг на друга: с изменением характеристик пространства меняются и особенности времени, в «своем» и «чужом» мире время существует в соответствии с разными законами. Кроме того, оба эти концепта в текстах заговоров тесно связаны с действительностью, а также фигурами заговариваемого и заговаривающего, что обусловлено спецификой жанра. По этой же причине «внешний» хронотоп заговора значительно отличается от других жанров: он соответствует внутреннему и не зависит от исторического времени, так как имеет смысл лишь в конкретной ситуации. Произведенное нами исследование показывает, что необходимо продолжать более подробное рассмотрение заговоров с этой точки зрения, а также обратиться к другим видам заговоров, текстам, распространенным на другой территории.

Список использованных источников

1. Агеева Р.А. Пространственные обозначения и топонимы в заговоре как типе текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М.: Наука, 1982. С. 132–159.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
3. Ицкович Т.В. Категория хронотопа в текстах религиозного стиля (к постановке вопроса) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. №13. С. 112–118.
4. Кандрашкина О.О. Категории пространства, времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства для

их выражения // Известия самарского научного центра российской академии наук. 2011. Т. 13. №2-5. С. 1217–1221.

5. Колесова Елена Альбертовна. Лексика пространства в фольклорных текстах : На материале заговоров : Дис. ...канд. Филол. Наук : 10.02.01. Санкт-Петербург, 2001. 166 с.

6. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Книга. М.: Просвещение, 1988. 352 с.

7. Мельник О.Г. К вопросу о хронотопе // Филологические науки. 2006/ С. 135–136.

8. Мухина Е.А. Хронотоп эпического духовного стиха // Язык и поэтика русского фольклора: к 120–летию со дня рождения В. Я. Проппа : сборник докладов всероссийской (с международным участием) научной конференции. Петрозаводск, 2015. С. 121–123.

9. Русские заговоры Карелии / Сост., вступ. ст., примеч. Т.С. Курец. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2000. 275 с.

10. Топоров В. Н. Заговоры и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 450–452.

11. Черванева В.А. Архаические элементы фольклорно-языковой картины мира (на примере количественной организации концептов пространства и времени в русской волшебной сказке) / В.А. Черванева // Лингвофольклористика на рубеже XX–XXI вв.: итоги и перспективы. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 188–195.

12. Экштут С. А. Ворота хронотопов // Диалог со временем, 2016. Вып. 55. С. 118–140.

13. Юдин, А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные имена собственные в русском магическом фольклоре. М.: МОНФ, 1997. 319 с.